

8. ПРЕПОДАВАТЕЛЬ СЛАВГОРОДСКОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ТЕХНИКУМА

В 1939 году Народным Комиссариатом Земледелия мы с мужем были направлены на работу в Алтайский край. Муж был назначен директором Славгородского сельскохозяйственного техникума, а я — преподавателем химии и животноводства.

Для поездки на работу в Алтайский край нам выдали проездные. Надо было приобрести кое-что из одежды. В только что открытых магазинах стали продавать промышленные товары, но их было мало. В одни руки выдавали ограниченное количество товара. Например, можно было купить или три метра шерсти, или одну пару обуви, или одно пальто. Но и за этим нужно было выстоять очередь в 5—6 часов. Простояв один день 6 часов, я купила себе три метра ситца. На другой день, простояв 6 часов, я купила себе красивые кожаные лодочки.

Техникум располагался в большом трехэтажном здании на окраине г. Славгород. Это здание сначала строилось как госпиталь, а в мирное время использовалось как учебное заведение. Техникум был хорошо оснащен наглядными пособиями, реактивами. Кабинет

химии, который я приняла, имел 70 литров чистого этилового спирта, 50 литров денатурата. Аудитории были большие, светлые. Коллектив был сплоченный. Часто устраивали совместные вечера. При техникуме были годовичные курсы повышения квалификации председателей колхозов. На курсах я преподавала русский язык по программе вторых — четвертых классов.

Недалеко от техникума располагался дом для преподавателей. Квартиры были без удобств, даже воды не было. Отопление печное. Свекровь приехала с нами. Внуков она любила, рассказывала им сказки. Она знала много стихотворений, была очень богомольной. К нам сразу привезли и Петю, младшего брата Харитона. Петя, 1924 года рождения, учился в школе, был отличником и примерным учеником, был тихим, спокойным, послушным, много читал. Детей моих любил.

Славгород степной город. Широкие улицы, одноэтажные дома. В нем не было промышленных предприятий. Не было театра. Была одна больница. И кроме сельскохозяйственного техникума был еще педагогический.

В Славгороде был большой базар, на котором было обилие мясных и молочных продуктов, большинство которых привозили туда казахи, жившие на границе со Славгородом.

В Алтайском крае в те годы получали большие урожаи зерновых. Цены на продукты были низкие. Скошенную пшеницу домолотить не могли, так как наступала зима, и ее молотили в следующем году. Цена зерна, молочных, мясных продуктов на рынке была намного ниже чем в магазинах. Никто из жителей Славгорода в магазинах хлеб не покупал, пекли дома сами. По совету завхоза, Харитон купил пять мешков зерна,

что спасло нас потом, во время войны, от голода. И мы за два года материально окрепли, прилично приоделись, собрали деньги в надежде на дальнейшую учебу в аспирантуре.

Началась Великая Отечественная война, и министерство оставило нас там работать. Война есть война. Скоро в магазинах не стало спичек, соли, мыла. На рынке все подорожало.

Всех преподавателей-мужчин мобилизовали на фронт, их заменили эвакуированные с Украины женщины. Печальная картина была, когда мобилизовали председателей колхозов с наших курсов. На перроне вокзала стоял плач, дети цеплялись за отцов и не хотели их отпускать. Харитону Наркомат из Москвы дал бронь, и он остался дома.

Из Сибири все вывозилось на фронт. Хлеб стали выдавать по спискам. Люди сами стали варить себе мыло. По утрам женщины выходили на улицу и смотрели, из какой трубы идет дым, и ходили туда за углями. Я, как химик, добывала огонь сама. На кучку серного порошка капала концентрированной серной кислотой. Сера вспыхивала, и мы получали огонь.

К нам приехали эвакуированные с Украины сестра Харитона с детьми и свекровью, брат его с женой и сыном. Из Ленинграда приехала жена другого брата с матерью и младшим братом. Все они месяцами жили у нас, пока Харитон не находил им работу и квартиру.

От Алтайского края остались и приятные воспоминания. Первые два года техникум располагался в засушливой степной части Алтайского края. Летом — это засушливые места, где часто дуют песчаные ветры. За 5—10 минут ходьбы до работы засыпало песком и лицо и одежду, а зимой метели и морозы. Зимой

у меня постоянно замерзали щеки. Ходить можно было только в валенках.

Садов там не было. Не выращивали и овощи. А как сюрприз мне и мужу председатель колхоза — немец (надо сказать, что в этих местах были немецкие поселения, обосновавшиеся там при Екатерине II) — показал свой сад. Когда мы вошли в его двор, он сказал: «Вот мой сад». Я была удивлена тем, что сада не увидела. А когда подошла ближе, то увидела вишневые деревья высотой с хороший пасленовый куст. Вишенки на нем висели величиной с пасленовую ягоду. А дальше росли яблони высотой 1—1,5 метра, и на них было много яблочек. Да, это были настоящие вишни с косточками и настоящие яблоки и по форме, и по цвету, и по вкусу.

В 1941 году техникум перевели на 100 км восточнее, к лесной части Алтая, где начинается тайга. В этих местах было много интересных озер. Ближе к техникуму было большое озеро Яровое. Вода в нем была так насыщена солями, что по озеру можно было ходить, погружаясь в воду до колена. Вода ядовитая, при выходе из озера после купания тело моментально покрывалось инеем соли и его надо было сразу же смывать пресной водой из небольших лунок на берегу.

А потом шли чудесные малиновые, содовые, щелочные, соленые озера. В малиновом озере вода была прозрачного малинового цвета. В нем не купались. В содовом озере вода летом испарялась на дне оставался слой натриевой соли — NaHCO_3 . Местные женщины ходили на озеро и руками выгребали для себя соду. Дно щелочного озера после высыхания воды представляло слой твердого как лед толщиной 1,5—2 м щелочи — NaOH . Я видела как во время войны пленные немцы железными ломками откалывали большими кусками эту щелочь

и отправляли на военные заводы. А местные женщины с помощью этой щелочи варили себе хозяйственное мыло. Научилась варить и я и не только хозяйственное, но и туалетное мыло.

В солевом озере после высыхания основной массы воды на дне оставалась вода высотой 15—20 см, а под водой лежал слой чистых прозрачных кристаллов поваренной соли — NaCl. Из этого слоя можно было руками набирать соль в ведра. Эта соль выручала жителей во время войны, когда соли не было в продаже. Ездили и мы с мужем за этой солью.

На опушках тайги, на полянах земля покрывалась сплошь маслятами. Грибы росли как яркий ковер. Мы собирали их. Я научилась варить, жарить, солить в бочках грибы.

Война продолжалась. Сибирь ковала оружие фронту, давала хлеб. Каждый гражданин считал священным долгом дать фронту, что мог. Мы работали без отпусков. Кроме обязательных займов выкупов облигаций, мы ежемесячно отдавали часть своей зарплаты в фонд обороны. Люди сдавали зерно, скот. Колхозник-пчеловод Ферапонт дал деньги на строительство самолета.

Молодые девушки шли учиться на курсы медсестер и добровольно уходили на фронт. На фронт ушло и несколько студентов нашего техникума.

Тяжелые переживания переносил весь народ в связи с эвакуацией. Эвакуация началась с первого дня войны, с момента, когда немецкие войска перешли границу нашей территории. Первыми с оккупированной территории уходили жены военных, члены партии и комсомола, работники политотделов МТС и т. д. По мере продвижения немецких войск в глубь страны, эвакуация стала массовой. Поговорка «Нах остен»

относилась не только к евреям, которые убегали на восток, спасая свою жизнь, так как немцы в первую очередь уничтожали их. Уходила интеллигенция, рабочие, все, кто не хотел стать рабом нацистских оккупантов.

Печальную картину представляли ссыльные из Прибалтийских республик, присоединенных к СССР в 39 году. Их, как ненадежных, как врагов народа выгоняли из своих домов, квартир и целыми семьями направляли на север и восток. Пожилые женщины, старики целыми днями сидели на базаре с кучей своих вещей и продавали их, чтобы выжить. У одной эстонки я купила женские золотые часики — медальон с крышечкой диаметром в три сантиметра. Харитон сказал, что на эти деньги в тот день на том базаре можно было купить хорошую дойную корову.

Меня сильно волновала судьба моих двух братьев: Михаила и Николая, воевавших тогда на передовой, освобождая Родину.

Население пробиралось на восток кто как мог. Первой к нам приехала моя подруга по Тимирязевке, аспирантка, с двумя детьми и стариком отцом. Брат Харитона с сыном и женой явились с пустыми руками, одетые в то, что на них было во время крушения их дома от немецкой бомбежки в Мариуполе. Сестра Харитона, учительница, с мальчиком дошкольного возраста, грудным ребенком и старухой свекровью две недели провели в будке, прикрепленной к трактору, пока не доехали до железной дороги. Там перешли в вагон и добрались до нас. Из блокадного Ленинграда жена еще одного брата Харитона с матерью и младшим братом, пройдя ледяной путь по Ладоге — «дорогу жизни», — добралась до железной дороги. «Дорогой жизни» называли узкую полосу на замерзшем озере.

Мне рассказывала моя землячка, ассистент Харьковского сельскохозяйственного института, как она с двумя детьми очутилась в Казахстане, где была вынуждена работать наравне с мужчинами на тяжелых работах, ради того, чтобы прокормить семью.

Другая коллега по работе Брежнева М. В. оказалась в Узбекистане, где работала вместе с узбеками на хлопковых полях.

Я своими глазами видела, как из вагона прибывшего состава вынесли 3-х летнего мальчика, бабушка которого умерла в пути.

А сколько было случаев, когда из вагонов выносили детей, матери которых погибли в пути во время бомбежек. Немцы, как оголтелые звери, находили на железных дорогах составы с гражданским населением и беспощадно громили их.

Приезжих сирот иногда брали к себе бездетные семьи, а в основном их ожидала жизнь в детдомах. В нашем алтайском районном селе прибывших расселяли по частным домам, в которых не было никаких удобств. Им приходилось спать на полу и иногда даже терпеть скрытое недружелобие хозяев.

И, хотя мы, не слышали грохота орудий, не слышали гудков военной тревоги, не видели немецких оккупантов, с тяжелым сердцем, затаив дыхание, стоя у черных репродукторов, слушали сообщения как наши войска после тяжелых боев оставляли города. А когда я услышала, что оставили Мариуполь, я зарыдала. Там, недалеко от города, в селе Ялте, оставались мои родители, сестра, брат, мои односельчане. Мы узнавали, как фашисты бесчинствовали на оккупированных территориях, насиловали женщин и девушек, насильно угоняли молодежь в Германию в рабство. На улицах

у нас стали появляться солдаты-калеки. В село приезжали эвакуированные женщины с детьми. Как они бедствовали, страдали! Все чаще стали получать похоронки. Молодые женщины в черных платках, со слезами на глазах быстро старели.

Похоронки получали и мы. В 1941 году погиб брат Харитона — Николай, 1917 года рождения. Погиб вместе со своим военным крейсером в Балтийском море.

В 1943 году погиб младший брат Харитона — Петя, 1924 года рождения. Его мобилизовали из 9-го класса, со школьной скамьи. Он погиб под Витебском на Смоленском направлении.

Память о нем сохранена в книге памяти Великой Отечественной войны и на мраморной плите села Чермалык, где он родился.

Весной 1944 года мужа перевели работать в освобожденную Ростовскую область на должность директора Пухляковского техникума виноградарства и виноделия. Туда приехала и я с детьми.

9. ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ПУХЛЯКОВСКОГО ТЕХНИКУМА

От села Ключи Алтайского края до города Ростова ехали шесть дней. Частые пересадки, долгие стоянки в пути, холодные вагоны без туалетов перенести не легко. Кончились наши пищевые запасы, взятые с собой при выезде. На остановках можно было купить только кукурузный хлеб и разбавленное водой молоко. Мы зашивели и в Арзамасе проходили санобработку.

В Пухляковском техникуме я стала преподавать химию и животноводство.

Двухэтажное кирпичное здание техникума находилось в казацком хуторе Пухляковский, на правом берегу Дона.

К нашему приезду здание было сильно повреждено бомбежками. Выбитые окна были пустые. Донские казаки во время оккупации растащили оттуда всю мебель. В каждой аудитории было по одному большому столу, по две деревянные лавки, которых не хватало для студентов одной группы. Пришедшие на занятия последними усаживались на пол и писали конспекты на коленях. Топлива не было никакого. Зимой сидели в пальто, чернила в чернильницах замерзали. Никаких учебников и наглядных пособий не было. Нельзя было достать бумагу. Студенты писали конспекты на журналах, книгах